Вся

ЛЕ ГУИН

ЛЕГЕНДЫ ЗАПАДНОГО ПОВЕРЕЖЬЯ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

SCI-FI FOUNDATION

SHOUT
SHARE
IT

- Урсула ле Гуин

Урсула ле Гуин
АВГУСТЕЙШИЕ ОСОБЫ ХЕГНА

Хегн — маленький уютный мирок, с благословенным климатом и такой богатой растительностью, что достаточно поднять руку и сорвать себе на обед сочный, нагретый на солнце, зрелый и на редкость вкусный стейкфрут. А можно сесть под кустом ллума, позволяя маслянистым кусочкам самим падать вам на колени или же прямо в рот; на десерт же очень недурно отведать бутонов сорбиса, кисло-сладких, сочных и хрустящих.

Четыре-пять веков назад обитатели этого мира были, вероятно, весьма предприимчивым и деятельным народом; они строили хорошие дороги, прекрасные городские здания, благородные загородные особняки и великолепные дворцы, окруженные в самом прямом смысле этого слова деликатесными садами. Затем у них наступила фаза некоей успокоенности, и в настоящее время, ничего особенно не предпринимая, они просто живут в своих замечательных домах. У них, правда, есть различные хобби, которыми они занимаются со спокойной одержимостью. Некоторые увлекаются, например, выведением новых, более изысканных сортов местного винограда. (Дело в том, что виноград в мире Хегна уже содержит все необходимые винные ферменты, и даже крошечная горсть его обладает вкусом, запахом и эффектом бокала «Вдовы Клико». А если виноград оставить висеть на лозе подольше, он с гарантией 80–90 процентов приобретает вкус отличного виски.) Других объединяет выведение горки, очень милых и дружелюбных домашних зверьков с короткими лапками; третьи ткут дивные гобелены для церквей; многие с удовольствием занимаются спортом. И все обитатели Хегна очень любят общественные мероприятия.

Для подобных сборищ люди стараются выбрать наряд покрасивее, потом съедают немного винограда, танцуют, беседуют, хотя беседы эти носят довольно бессвязный характер, а некоторым они, возможно, показались бы не только вялыми, но и чрезвычайно скучными. Разговаривают в основном о качестве различных сортов винограда и о технологии его выращивания; о погоде, которая здесь обычно прекрасная, но ведь любой солнечный денек всегда может таить угрозу дождя, не правда ли? Очень часто разговаривают о спорте, особенно много внимания уделяется хегнскому сатпоту, весьма специфической игре, для которой требуется игровое поле площадью в несколько акров, две

команды игроков, соблюдение множества правил, большой мяч, несколько маленьких отверстий в земле, переносные оградки, короткая плоская бита, два высоких шеста, четверо судей и несколько дней. Ни один человек, не являющийся уроженцем Хегна, никогда не мог понять прелести сатпота. Зато жители Хегна обсуждают последний сыгранный матч с той же суровой решимостью и поистине безжалостным вниманием к деталям, с какими и сами играют в эту игру. Другие предметы бесед — это поведение любимцев семьи, горки, и украшение местной церкви. Религия и политика не обсуждаются никогда. Возможно, их здесь попросту и не существует, поскольку они давно уже сведены к последовательности чисто формальных событий и обрядов и полностью вытеснены тем, что составляет центральный элемент, средоточие, основу общества мира Хегн. Лучше всего это описано в книге «Степени кровного родства».

В этом маленьком мирке почти все являются родственниками. Поскольку Хегн — монархия, или, точнее, целый конгломерат крошечных монархий, здесь почти каждый является либо монархом, либо членом королевской семьи.

В былые времена подобная «универсальность» аристократии вызывала немало неприятностей — диссидентство и даже смуту. Соперничавшие претенденты на престол пытались убрать друг друга; был даже весьма длительный период, сопровождавшийся кровавым насилием и получивший название «Родственная война» (на самом деле это была война за истинное пэрство); было и довольно короткое, к счастью, но не менее кровавое Восстание Двоюродных Братьев. Но все эти семейные распри понемногу затихли, когда была установлена генеалогия каждой отдельной линии и каждого отдельного гражданина Хегна, и все это было записано в великой «Книге Крови», созданной в период правления Эдубера XII Спаргского.

И теперь, 488 лет спустя после появления этой книги на свет, она, можно сказать без преувеличения, является главным предметом в доме каждого жителя Хегна. Это действительно единственная книга, которую каждый из них непременно когда-нибудь да прочтет. Многие наизусть знают те ее разделы, которые посвящены генеалогии их семьи. Появление очередного выпуска «Добавлений и приложений к Книге Крови» ждут как самое большое событие года. Каждый новый номер этого справочника дает пищу для разговоров на несколько месяцев. Например, очень долго обсуждалось печальное исключение из списков августейших семейств Дома Левигов в связи со смертью престарелого князя Левигвига; чуть не полгода будоражила умы возможность появления наследника в семействе Свадов —

благодаря исключительно удачному браку Эндола IV и герцогини Мабьюбер; оказалось большой неожиданностью, когда корону Восточного Фобы унаследовал виконт Лагн — в связи с тем, что в течение одного лишь года один за другим безвременно скончались его двоюродный дед, его дядя, а затем и двоюродный брат; или, скажем, общество было несколько удивлено, когда в своих законных правах (декретом Департамента Королевских Издателей) был восстановлен правнук бастарда Эгморга.

В Хегне 817 королей. Каждый имеет право на те или иные земли, дворцы или, по крайней мере, части дворцов; однако же само по себе управление той или иной территорией тут не главное, и не это делает короля королем. Гораздо важнее обладать короной, иметь законное право надевать ее по определенным случаям — например, при коронации другого монарха; также очень важно, чтобы генеалогического древо вашего рода было описано в «Книге Крови». Не менее важно во время первой в сезоне игры в хегнский сатпот находиться на краю покрытого дерном поля, присутствовать на ежегодной церемонии Благословения Рыбы и знать, что твоя супруга — королева, а старший сын — наследник престола, а брат — принц крови, сестра — принцесса крови и все прочие твои родственники вместе с детьми — особы тоже августейшие.

Чтобы поддержать аристократию, необходимо, чтобы августейшие особы вступали в брак только с лицами своего круга. К счастью, в мире Хегн таковых предостаточно. В точности, как в нашем мире родословная лучших скакунов может быть отслежена вплоть до чистокровного арабского производителя, так и каждая августейшая семья Хегна может легко возвести свое происхождение к Рагланду Хегн-Гландерскому, правившему восемь веков назад. Лошадям-то их родословная абсолютно безразлична, зато она не безразлична их хозяевам; точно так же вопросы генеалогии той или иной семьи не безразличны королям и их семьям. В этом отношении Хегн удивительно напоминает огромный конный завод.

Существует негласное мнение, что некоторые королевские семьи являются, так сказать, «более королевскими», чем прочие, потому что свое происхождение отсчитывают непосредственно от старшего сына Рагланда, а не от одного из его восьми младших сыновей. Впрочем, все остальные августейшие семьи достаточно часто заключали браки с представителями этой центральной ветви, чтобы между ними установилась тесная связь. Каждый королевский дом имеет такую некую уникальную особенность строения своего фамильного древа — например, происхождение от Алфигна Колуна, полулегендарного завоевателя Северного

Хегна, или же от одного святого, родственника Алфигна по боковой линии, или же от некоего рода, на протяжении многих веков ни разу не запятнавшего себя браком с «простым» герцогом или герцогиней и представленного на одной из страниц «Книги Крови» (хранящейся в библиотеке данного дворца и всегда открытой на этой самой странице) весьма обширным и цветущим генеалогическим древом истинных принцесс и принцев поистине голубой крови, никогда не дававших ни единого повода подозревать кого-либо из них хотя бы в адюльтере.

А потому, когда тема очередного выпуска «Добавлений и приложений» оказывается исчерпанной, августейшие гости на званых вечерах всегда могут вернуться к своей излюбленной и поистине вечной теме — чистоте королевской крови — и попытаться решить, скажем, такой вопрос: был ли сын, рожденный от второго брака Агнина IV с Тиванд Шютской, тем самым принцем, который погиб в возрасте тринадцати лет, защищая дворец своего отца от врагов? И мог или не мог этот юноша быть отцом герцога Вигригнского, впоследствии ставшего королем Шюта?

Подобные вопросы интересны отнюдь не всем, и безмятежный фанатизм, с которым жители Хегна продолжают предаваться их обсуждению, раздражает или обижает многих гостей этого мира. Тот факт, что жители Хегна не испытывают абсолютно никакого интереса ни к одному народу, кроме своего собственного, также порой вызывает недовольство или даже гнев. Иноземцы существуют. Это все, что желают знать о них жители Хегна. Они слишком учтивы, чтобы прямо сказать иностранцам: как жаль, что вы существуете на свете; но думают они, почти наверняка, именно так.

Впрочем, им нет никакой необходимости думать об иностранцах. От этой заботы они избавлены Агентством путешествий по иным мирам. Отель, курируемый АПИМом, находится в Хемгогне, хорошеньком маленьком королевстве на западном побережье. АПИМ нанимает и гидов из числа местных жителей. Эти гиды, чаще всего «простые» герцоги и графы, ведут гостей смотреть Смену Караула, происходящую на Стене и осуществляемую принцами крови в великолепных традиционных доспехах два раза в день — в полдень и в шесть часов вечера. Агентство также предлагает однодневную поездку в несколько других королевств. Автобус мягко катится по древним, но поистине несокрушимым дорогам Хегна среди залитых солнцем садов и лесов с дикорастущей пищей. Туристы выходят из автобуса, любуются руинами старинных дворцов или прогуливаются по тем частям уцелевших строений, которые

открыты для посещения. Обитатели дворца держатся несколько отчужденно, но неизменно учтивы и вежливы, ибо того требует их принадлежность к числу августейших особ. Возможно, туристам повезет: вниз сойдет сама королева и, улыбнувшись им (на самом деле, она даже не взглянет в их сторону), велит своей хорошенькой маленькой дочке пригласить гостей в сад: пусть выберут, что душе угодно, на завтрак. Затем королева и принцесса вернутся в свои личные покои, а туристы, отлично позавтракав, снова сядут в автобус. Вот и все.

Будучи по природе интровертом, я, пожалуй, даже люблю Хегн. Совершенно необязательно смешиваться с местным населением, если это не получается само собой. А еда там отличная, и солнце очень приятное, нежаркое. Я бывала там не один раз и оставалась дольше, чем многие другие, а потому в итоге совершенно случайно кое-что узнала о нетитулованных жителях Хегна, местных, так сказать, коммонерах.

Я шла по главной столичной улице, когда увидела толпу на площади перед старой церковью Трех Королевских Мучеников. Я подумала, что это один из ежегодных фестивалей или религиозных обрядов, и, присоединившись к толпе, стала наблюдать. Подобные действа на Хегне всегда разворачиваются очень медленно, отличаются невероятной пышностью и исключительно скучны. Но других событий здесь попросту не происходит; и к тому же эти представления все же обладают определенным монотонным очарованием. Вскоре, однако, я поняла, что это похороны. И, как ни странно, эта церемония чрезвычайно отличалась ото всех предыдущих, которым мне довелось стать свидетельницей. Более всего меня поразило поведение людей.

Все они были, разумеется, королевской крови. Сплошные принцы, герцоги, графы, принцессы, герцогини, графини и т. д. Однако вели они себя не с королевской сдержанностью, не с достоинством августейших особ, не с величественным равнодушием, которое я всегда видела прежде на их лицах. Они самой обыкновенной толпой окружили площадь, в кои-то веки не участвуя ни в некоем предписанном ритуале, ни в традиционном развлечении, ни в демонстрации различных хобби. Нет, они просто стояли все вместе, словно ища друг у друга утешения. Они были искренне встревожены, огорчены; они совершенно позабыли о порядке и чуть ли не шумели. Они проявляли эмоции! Они горевали вслух, откровенно горевали!

Особа, стоявшая ко мне ближе всех, оказалась вдовствующей герцогиней Могна и Фарстиса, теткой королевы Хегна. Я знала, кто она такая, потому что видела ее каждое утро в половине

девятого — она выходила в дворцовый сад на прогулку с любимым горки короля, а этот сад как раз граничит с территорией нашей гостиницы. Один из гидов Агентства сказал мне, кто она такая. Я часто смотрела на них из окна нашей столовой; королевский горки, здоровенный самец, оснащенный прекрасным половым аппаратом, испражнялся под кустиками с сырными цветами, а вдовствующая герцогиня вежливо отводила глаза, и на лице ее царило то спокойно-отсутствующее выражение, которое и предписывается истинным аристократам.

Но сейчас ее бледные глаза были полны слез; морщинистое личико герцогини исказилось в попытке сдержать рвущиеся наружу эмоции.

— Ваша светлость, — обратилась я к ней, надеясь, что мой трансломат сам обеспечит нужное обращение к столь высокородной особе, если я все же выбрала неподходящее слово, — прошу меня простить, но я — иностранка. Не скажете ли, чьи это похороны?

Она посмотрела на меня невидящим взором, смутно удивленная то ли моей наглостью, то ли моим невежеством; однако она была слишком поглощена горем, чтобы громко изумиться, и промолвила лишь: «Сисси», и это имя, произнесенное вслух, вызвало у нее новый приступ самых искренних рыданий. Она отвернулась, прикрывая лицо большим кружевным платком, и я не осмелилась расспрашивать дальше.

Толпа быстро росла. К тому времени, как из церкви вынесли гроб, на площади собралось не менее тысячи человек, то есть большая часть населения Легнерса; все это были, естественно, августейшие особы. Даже сам король с двумя сыновьями и его брат на почтительном расстоянии следовали за гробом.

Гроб несли и окружали люди, каких я никогда здесь прежде не видела. Это были очень странные люди — бледные, толстые мужчины в дешевых костюмах, пухлые бледные мальчики, женщины, в основном средних лет, с медными волосами и в туфлях на каблуках-стилетах; среди них выделялась молодая женщина с пышными бедрами, одетая в мини-юбку, короткий обтягивающий топ и черную кружевную хлопчатобумажную мантилью. Она брела за гробом, громко истерически рыдая и спотыкаясь, поддерживаемая с одной стороны испуганного вида мужчиной с усами грифельного цвета и в двуцветных штиблетах, а с другой — маленькой, сухонькой и какой-то пришибленной женщиной лет семидесяти, с ног до головы закутанной в черную, уже порыжевшую от старости материю.

На дальнем конце толпы я увидела местного гида из Агентства, молодого виконта, сына герцога Иста; с ним у меня

уже возникло нечто вроде взаимной симпатии, ни к чему, впрочем, не обязывавшей. Я стала пробираться к нему сквозь толпу, но это оказалось непросто; я словно попала в реку с мощным течением, которая неторопливо, но упорно текла вслед за гробом и сопровождавшими его людьми по направлению к королевским лимузинам и конным повозкам, что ждали у ворот дворца. Пробившись наконец к своему знакомому, я спросила:

— Кто это? Кто они такие?

— Сисси, — бедный гид и сам чуть не плакал, охваченный всеобщим горем, — Сисси умерла вчера ночью! — Но, вспомнив свои обязанности гида и переводчика, он попытался вернуть былые аристократические манеры, стряхнул с ресниц слезы, посмотрел на меня и пояснил: — Это наши коммонеры.

— А Сисси…

— Она… она была их дочерью. Единственной! — Как он ни старался, слезы все равно закипали в его глазах. — Это была такая милая девушка! А какая помощница матери! Всегда в трудах! И улыбка такая прелестная. Ни у кого на свете нет больше такой улыбки! Сисси была единственная. Такая очаровательная, такая любящая… Ах, бедная маленькая Сисси! — Бедняга совсем расстроился и заплакал навзрыд.

В эту минуту рядом с нами как раз проходили король, его сыновья и его брат. Я видела, что оба мальчика горько плачут, у короля каменное лицо, и можно только догадываться, чего ему стоит казаться относительно спокойным. Его умственно отсталый братец пребывал, похоже, в некоторой растерянности и все цеплялся за руку короля, шагая с ним рядом, как заводная игрушка.

Толпа рекой текла за траурной процессией. Люди проталкивались поближе, стараясь коснуться края белого шелкового покрова на гробе. «Сисси! Сисси!» — горестно выкрикнул кто-то. «Ох, мать, мы тоже ее любили!» — «Папа, папа, что мы теперь без нее будем делать? Она сейчас у ангелов?» — «Не плачь, мать, мы ведь и тебя любим! И всегда будем тебя любить! Ах, Сисси, бедная Сисси! Наша милая девочка!»

Медленно, с трудом преодолевая сопротивление страстно протестующей толпы августейших особ, похоронная процессия достигла поджидавших ее повозок, карет и автомобилей, и, когда гроб скользнул в задние дверцы длинного белого катафалка, душераздирающий нечеловеческий стон исторгся из каждой глотки. Благородные дамы пронзительно визжали, благородные господа падали в обморок, а у девушки в мини начался, похоже, эпилептический припадок — изо рта хлынула пена, она вся скорчилась, но довольно быстро пришла в себя, и один из

толстяков запихнул ее в лимузин.

Взревели моторы автомобилей, возницы хлестнули своих хорошеньких белых лошадок, и похоронный кортеж тронулся, но по-прежнему очень медленно, со скоростью пешего шага. Толпа текла следом.

Я вернулась в гостиницу. Вечером я узнала, что почти все население Легнерза следовало за гробом все шесть миль до кладбища, затем выстояло заупокойную службу и погребение, и до поздней ночи я видела, как донельзя уставшие люди, спотыкаясь, брели назад по дороге со стертыми ногами и с грязными дрожками слез на щеках.

Лишь на следующий день молодой виконт оказался в состоянии объяснить мне, что же все-таки происходило вчера. Я уже знала, что все жители королевства Хемгогн — люди королевской крови, связанные кровными узами друг с другом и с жителями других королевств; но вот чего я не знала: оказывается, среди них имелась одна семья, которая была самой обычной, не королевской. По фамилии Гэт.

Фамилии Гэт и Тагг (девичья фамилия миссис Гэт) ни разу не упоминались в «Книге Крови». Ни один Гэт или Тагг никогда не сочетался браком ни с одной особой королевской крови или хотя бы с представителем благородного семейства. И не существовало никакой легенды о том, как давным-давно прекрасный молодой принц соблазнил юную прелестную дочь сапожника. В семьях Гэт и Тагг вообще не было семейных преданий. И никакого генеалогического древа у них тоже не было. Они не знали даже, ни откуда они родом, ни как давно живут в этом королевстве. Все они отродясь были сапожниками. Поскольку в солнечном Хегне мало кому требовались настоящие сапоги, то мистер Гэт, как и его отец когда-то, как и его сын теперь, шил изящные кожаные сапожки для принцев крови, участвующих в торжественной Смене Караула, и довольно-таки безобразные войлочные сапоги для королевы-матери, которая любила зимой прогуливаться в парке по мясным лужайкам со своими горки. Дядя Агби хорошо умел красить кожу. Тетя Ире знала, как валять фетр и войлок. Двоюродная бабушка Йоли выращивала овец. Кузен Фафвиг ел слишком много винограда и почти все время был пьян. А Сисси, милая Сисси, младшая дочь Гэтов, была любимицей всего королевства. Августейшие особы называли ее «дикий цветок Хемгогна» и «наша маленькая простолюдинка».

Ах, какая это была тонкая девочка! Ходили слухи, что она влюблена в молодого принца Фродига, хотя он, разумеется, все равно никогда бы на ней не женился. Их вроде бы даже не раз видели беседующими в сумерках на Дворцовом мосту. Моему

виконту явно хотелось поверить слухам, но все же вряд ли это было возможно, ибо принц Фродиг в течение последних трех лет жил в другой стране и учился в школе Халфвига. Короче говоря, у Сисси с детства была слабая грудь. «У простолюдинов это часто бывает, знаете ли, — сказал виконт, — это у них наследственное. Передается по женской линии». Девушка стала чахнуть, худела и бледнела, но никогда не жаловалась и всегда улыбалась, хоть и таяла просто на глазах, пока однажды не легла в сырую холодную землю. Ах, милая Сисси, дикий цветок Хемгогна!

Ее оплакивало все королевство. Августейшие особы делали это бурно, экстравагантно, в общем, по-королевски. Король рыдал над разверстой могилой. Перед тем как гроб опустили в могилу, королева положила на крышку свою бриллиантовую брошь, доставшуюся ей по наследству от матери; эта брошь передавалась в их семье по женской линии в течение вот уже семнадцати поколений, начиная от самой Эрбинрасы Северной, и ее никогда еще не касалась рука женщины, не являвшейся кровной родственницей Эрбинрасы. И вот теперь эта брошь лежала в могиле маленькой простолюдинки Сисси. «Эта брошь не так ярко сияла, как глаза милой Сисси», — только и промолвила королева.

Вскоре после похорон я покинула Хегн, и меня года на три-четыре поглотили иные страны и города. Когда же я вновь посетила королевство Хемгогн, та горестная оргия была уже почти позабыта. Я поискала среди служащих Агентства своего виконта, но он больше здесь не работал; обретя по наследству титул герцога Иста, он переселился в апартаменты, расположенные в Новом крыле королевского дворца, и получил право пользоваться королевскими виноградниками не только для себя лично, но для своих званых вечеров.

Жаль! Мне он нравился — приятный молодой человек с несколько оригинальным, с точки зрения жителей Хегна, характером, который и заставил его в итоге работать гидом в Агентстве. Он действительно очень хорошо относился к иностранцам. Кроме того, в нем чувствовалась некая беспомощная учтивость, которой я, если честно, беззастенчиво пользовалась. Он был совершенно не в состоянии сказать «нет» в ответ на прямую просьбу, а потому — когда я попросила его — немедленно пригласил меня посетить несколько своих вечеринок, которые должны были состояться в течение того месяца, что я собиралась прожить в Хемгогне.

Именно тогда я и обнаружила, что у обитателей этого мира существуют и некоторые другие темы разговоров — не только спорт, разведение горки, погода и генеалогия.

Оказывается, члены семейств Тагг и Гэт, которых к тому

времени насчитывалось человек двадцать, вызывали самый неподдельный и поистине неистощимый интерес у августейших особ Хемгогна. Дети посвящали им самодельные книжки с рисунками. Мать моего виконта очень дорожила кружкой и тарелкой, на которых в золоченой витой рамке были изображены портреты «матери» и «отца» семейства Гэт в день их свадьбы. Любительские ротапринтные издания историй, бытующих в среде августейших особ, о семействах коммонеров, проиллюстрированные фотографиями членов этих семей, были весьма популярны не только в королевстве Хемгогн, но и в соседних королевствах Дрохе и Вигмардс, где не имелось ни одной семьи простолюдинов. А вот в более крупном королевстве Одбой, расположенном к югу от Хемгогна, было целых три семьи коммонеров и один живой бездельник, или «пропащий человек», которого называли еще Старым Бродягой. Но даже и там, в Одбое, сплетни о Гэтах — о том, какие короткие у Чики юбки, долго ли матушка Тагг кипятит свое белье, действительно ли у дядюшки Агби язва или это просто обыкновенный фурункул, поедут ли тетушка и дядюшка Бод летом на недельку к морю или же осенью отправятся на Виноградные Холмы, — столь же охотно мусолили, как и в тех королевствах, где вообще никаких коммонеров не было. И портрет Сисси в венке из диких цветов, сделанный по фотографии, которую, опять же по слухам, сделал сам принц Фродиг, хотя Сисси и уверяла всех, что сделала ее сама, украшал стены тысяч различных комнат в дюжине различных дворцов.

Я была знакома с теми немногочисленными августейшими особами, которые не разделяли этого всеобщего обожания. Старый принц Фофорд, например, явно испытывал ко мне особую приязнь, хоть я и была иностранкой. Двоюродный брат короля и дядя моего друга герцога, Фофорд очень гордился своим нонконформизмом и радикальным мышлением. Ему страшно нравилось нарушать здешние условности. «Мятежник — так меня называют в семье», — добродушно ворчал он, поблескивая прячущимися в глубоких морщинах глазами. Дома он держал фленни, а не горки; и простолюдинов он терпеть не мог, даже Сисей недолюбливал. «Слабая слишком, — бурчал он. — Никакой жизненной силы. Да и откуда ей взяться — совсем ведь беспородная! Все слонялась под стенами дворца, все надеялась, что ее принц увидит, вот и простудилась. От простуды и умерла. Да все они какие-то дохлые! Дохлые и невежественные. И попрошайки. И в домах у них грязь и вонища. Только и умеют, что изо всего, даже из собственного горя, шоу устраивать! Выходят на улицу все перемазанные, вопят, горшками друг в друга швыряются, дерутся, грязно ругаются — и все напоказ!

Сплошное притворство. Кроме того, уж парочка-то герцогов в этой охапке дров точно замешалась — пару поколений назад, не сомневайтесь!»

И действительно, когда я более внимательно присмотрелась и прислушалась, когда я почитала все эти дурацкие книжонки с любительскими фотографиями, когда обратила внимание на то, как сами пресловутые простолюдины ходят по улицам столицы, все это показалось мне довольно плохим театральным действом. Эти коммонеры на редкость упорно, даже с некоторым вызовом, демонстрировали свою принадлежность к низшему классу. В этом было даже нечто профессиональное — да, именно это слово подошло бы тут лучше всего. Нет сомнений, Чики вряд ли сама хотела забеременеть от собственного дяди, но когда это произошло, она использовала случившийся инцест на полную катушку. И каждой августейшей особе непременно сообщала — а они с готовностью заносили это в свои записные книжки, — как дядя Тагг выдавливал ей прямо в рот забродивший виноград, пока она не упилась в стельку, а потом сорвал с нее платье и «снасильничал» над ней, бедняжкой. История в последующих пересказах разрасталась, обретала все больше «духовитых» подробностей. Собственно, первым рассказ Чики записал тринадцатилетний принц Ходо. Надо сказать, уже и в этом повествовании хватало подробностей о том, каким ужасно тяжелым было волосатое тело дяди Тагга, как Чики яростно сопротивлялась насильнику, но все же не выдержала — по словам самой девицы, ее предало собственное тело: соски затвердели, бедра раздвинулись, и он с силой «рванул» между ними. В этом месте юный принц поставил четыре звездочки. А одной из молодых герцогинь Чики призналась, что пыталась избавиться от ребенка, но горячие ванны ни черта не помогали, бабушкины травы оказались полным дерьмом, а уж к вязальной спице она прибегать не стала — так ведь можно и вовсе себя угробить. А дядюшка Тагг тем временем ходил повсюду и хвастался, что его родственники дразнят его, что он, мол, «трахает все, что движется», пока отец Чики (впрочем, весьма сомнительно, что ее отцом был именно он, а не сам дядюшка Тагг) не подкараулил его с куском свинцовой трубы и не избил до полусмерти. Все королевство невольно содрогнулось, когда дядюшку Тагга нашли во дворе собственного дома в луже крови и мочи.

У Гэтов и Таггов не было ни водопровода, ни канализации, ни электричества. Предыдущая королева в неуместном порыве сострадания или того, что называется «ноблесс оближ», приказала, правда, провести электричество в основной дом старинного хозяйства, состоявшего из бесчисленных лачуг и

сараев, то есть собственно «коммонс», и грязного двора, где сопливые пострелята играли в загаженных автомобилях-развалюхах и огромные собаки, натягивая короткую цепь, все пытались дотянуться до покрытых свалявшейся шерстью овец. Овцы принадлежали двоюродной бабушке Йоли; они постоянно слонялись по двору среди вонючих бочек, где вымачивал кожи красильщик дядюшка Агби. Однако в первый же день мальчишки перебили все электрические лампочки из рогаток, а бабушка Гэт ни за что не соглашалась включить электродуховку, предпочитая печь пирог из плодов хлебного дерева в старой проржавевшей насквозь дровяной плите. Мыши и крысы постоянно жрали изоляцию и устраивали короткие замыкания. В общем, основным ощутимым результатом, достигнутым при электрификации дома коммонеров, был омерзительный липучий запах зажаренных заживо крыс.

Как правило, коммонеры избегали иностранцев и взирали на них с тупым равнодушием — как, впрочем, и особы королевской крови. К тому же в коммонерах то и дело вскипал патриотический фанатизм, и они начинали швыряться в туристов мусором. Когда об этом сообщали королю, он тут же опубликовал краткое заявление о том, что пребывает просто в шоке: оказывается, жители Хегна совсем позабыли о традиционном гостеприимстве! Но на королевских приемах я и сама частенько слышала довольные смешки и шепот: «Пусть, пусть эти иностранные попрошайки получат как следует!» Ведь, в конце концов, туристы здесь тоже считались простолюдинами; хотя у нас некоторые из них простолюдинами отнюдь не были.

В итоге тамошние простолюдины переняли у нас одну отвратительную привычку. Они все лет с шести-семи стали курить американские сигареты; у всех пальцы пожелтели от никотина, дыхание стало зловонным, и всех мучил ужасный мокрый кашель. Кузен Кэдж, один из бледных толстяков, которых я видела на похоронах Сисси, занимался весьма доходным бизнесом — добывал контрабандное курево с помощью своего сына-карлика по кличке Коротышка, который работал в гостинице АПИМа — чистил там туалеты. Молодежь из числа августейших особ частенько прибегала к его помощи, покупая у него сигареты и тайком их покуривая. Эти глупцы прямо-таки наслаждались собственным дурным поведением, тошнотой и ощущением того, что хотя бы на несколько минут стали действительно вульгарными, превратились в настоящее отребье.

Я покинула Хегн еще до того, как у Чики родился ребенок. Внимание августейших особ было уже полностью приковано к этому событию, сильно подогретое публичными заявлениями

Чики о том, что, как она абсолютно уверена, маленький ублюдок будет полным идиотом и родится без рук и без ног — а чего же еще ожидать в таком случае? Августейшие особы четырех королевств и не ждали ничего иного. Точно завороженные этим ужасным грядущим событием, этим генетическим несчастьем, они ждали появления на свет омерзительного крошечного плебея, чтобы потом всплескивать руками, гневно стучать ногами, вздыхать и содрогаться от ужаса. Не сомневаюсь, Чики свое дело знала отлично и обеспечила им именно то, чего они и ожидали.